

Колум Патрик

**Великие мифы народов
мира**

ББК 82.3(0)
К61

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Колум П.
К61 Великие мифы народов мира / Пер. с англ.
Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2007. — 347 с.

Книга представляет собой собрание подлинных жемчужин, выбранных из огромной сокровищницы мифов народов мира в пересказе известного исследователя традиционных народных культур Патрика Колума. Автор рассказывает о героических и трагических фигурах античного мира, сказочных персонажах, представленных в мифах Египта и Вавилона, Персии и Греции, Рима и Америки. В сборник включены и сравнительно малоизвестные полинезийские, китайские и японские мифы.

ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-521-73361-3

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2007
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ

До недавнего времени мифологии не придавалось должного значения. Итальянский философ XVII века Вико знал, что герой мифов Геракл, который мог разрушать горы, законодатели Ликург и Ромул за краткое время, отведенное человеку, выполнили работу многих веков, были созданиями коллективного разума. Когда человеку потребовались антропоморфные божества, он пошел по пути, как утверждает Вико, воплощения в одном герое своих вековых идеалов. Ему вторил Гете, который считал, что в ранние века идеи существовали в интуитивных мысленных образах и лишь позднее их облекли в понятия — мироощущения обрели форму, богов, а сегодня они вновь становятся понятиями. Иеремия Кертин, человек, увлеченный поэтическими образцами мифологии, писал, что в греческом языке есть два существительных, имеющих долгую историю: *миф* и *логос*. Первоначально они имели одинаковое значение, во всяком случае, в повседневной речи. Во времена Гомера использовалось то одно, то другое, и обозначали они то же, что и *слово* в нашем современном языке. Постепенно *логос* стал обозначать *внутреннее содержание* — *смысл, понятие* и одновременно *внешнюю форму мысли* — *слово, высказывание, выражение*. Следовательно, *логос* есть выражение точной мысли, которая является таковой потому, что соответствует всеобщим и неизменным принципам, выработанным человечеством. *Логос* достиг высшей степени величия, поскольку относится не только к человеческому разуму, но и ко всей вселенной как универ-

сальная осмысленность, ритм и соразмерность бытия. Божественный Логос — сын Господа и сам Господь... *Миф* в самом широком смысле означает все, произнесенное человеком, — слово, сообщение о чем-то, рассказ. В античной Греции *мифом* называли повествование о доисторических греках. Применение термина *миф* в среде современных ученых получило достаточно широкое толкование: теперь равнозначное значение имеют сказания любого племени на земле. С древности было широко распространено мнение о том, что миф является синонимом выдумки, хотя правдивые мифы — а таковых отнюдь не мало — могут быть самым исчерпывающим и поэтичным изложением реальных событий. Миф, даже когда он заключает в себе всеобщий принцип, выражает в особой форме через своеобразие своих героев язык и внутренний мир людей определенного времени и места. Люди, которые любят и понимают мифологию, согласятся, что правда неотделима от нее, как тело от души, подчеркивал Иеремия Кертин.

Из высказываний Вико, Гете и Иеремии Кертин мы узнаем о внутренней сущности мифологии. Теперь обратимся к специалисту, который поможет нам отличить подлинные мифы от выдумок и баснословных эпизодов в романтических и эпических повествованиях. Бронислав Малиновский считает, что существует особая категория «священных» рассказов, воплощенных в различных ритуалах, обычаях и даже в социальной организации сообщества людей, которые составляют неотъемлемую и активную часть примитивной культуры. Эти рассказы порождены не праздным интересом и являются не только художественным или документальным повествованием. Они служат для данного сообщества средством утверждения первоизданной, более великой реальности, которая определяет их современную жизнь, судьбу и деятельность и знание которой вооружает человека приемами ритуальных действий, а также указаниями, как их выполнять.

Таким образом, мы можем сделать вывод: мифология состоит из историй, считающихся священными и образующими составную и активную часть человеческой культуры.

Истории из этого собрания должны быть таковыми или иметь знак того, что были такими когда-то. Австралийское, африканское или южноамериканское племя может передавать из поколения в поколение рассказ о сотворении мира жуком, и это повествование может быть для него священным. Но мы могли и не знать об этой истории. Примитивные формы цивилизации, такие варварские и такие великие, оставались забытыми или непонятыми, пока в период, получивший название романтизма, к ним не обратился европейский дух. Европейцы, если можно так сказать, признали эти истории как представляющие интерес для современности. Об этом писал Бенедетто Кроче, и я использую его выражения, чтобы обозначить пределы понимания, которых нам удалось достичь, в знакомстве с мифами разных народов мира. Это повествования, содержащие нечто, способное затронуть эмоциональную сферу сегодняшних читателей, пробудить у них желание поближе познакомиться с духовной жизнью ушедших цивилизаций.

ЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Представляется совершенно естественным начать с египтян. Однако дошедшие до нас образцы мифотворчества этой величайшей цивилизации фрагментарны; чтобы ознакомиться с самыми известными из них, приходится обратиться к греческому литературному памятнику — трактату Плутарха об Осирисе и Исиде. В приведенном здесь повествовании основные события даются по Плутарху. Но в него включен также рассказ о сотворении мира из египетских источников. Имена божеств не совпадают с именами, употребляемыми Плутархом: они даны в формах, принятых египтологами. Большая часть египетской мифологии посвящена появлению, исчезновению и повторному появлению солнца, а также описанию мира мертвых. Но ни одно из сохранившихся мифологических произведений не предлагает нам свода представлений египтян об этих процессах. Чтобы эти представления могли быть

изложены в повествовательной форме, была придумана сказка о братьях и их умирающем отце. Гимн, приведенный в ней, взят из «Религии египтян» Адольфа Лемана.

Насколько сильно история Осириса и Исиды повлияла на весь Древний мир, свидетельствуют следующие размышления Плутарха: «И вот на что осторожно намекают нынешние жрецы, служа истине и укрывая ее: этот бог правит и царствует над мертвыми, и он есть не кто иной, как тот, кто называется у эллинов Плутоном, или Гадесом; а так как истина эта непонятна, то она приводит в замешательство многих людей, а именно: святой и священный Осирис обитает в земле и под землей, где скрываются тела тех, кто, как полагают, обрел конец. Напротив, этот бог очень далек от земли и пребывает нетронутым, незапятнанным и чистым от всякой сущности, причастной к разрушению и смерти. И для людских душ, которые облачаются в этом мире в тела и страсти, сопричастие богу ощущается только как образ туманного сновидения, которого можно коснуться познанием с помощью философии. Когда же души освобождаются и переходят в невидимое, незримое, невозмутимое и непорочное обиталище, тогда этот бог становится для них владыкой и царем, из-за него они как бы привязаны к несказанной и невыразимой для людей красоте, созерцают ее и ненасытно стремятся к ней. И, как гласит старинное предание, Исида, полюбив красоту, вечно тяготея к ней и пребывая с ней, наполняет наш мир всем прекрасным и благим, что имеет отношение к рождению. Таково объяснение всего этого, более всего соответствующее божественной природе».

Интерпретация Плутарха истории об Осирисе и Исиде вовсе не обязательно имеет египетские корни. Мы также не можем быть уверены, что молитва героя Апулея Люция Исиде была бы именно таковой, если бы произнес египтянин: «О святейшая, человеческого рода избавительница вечная, смертных постоянная заступница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью! Ни день, ни ночь одна, ни даже минута краткая не протекает, твоих благоденствий лишенная: на море и на суше ты людям по-

кровительствоешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой рока нерасторжимую пряжу распускаешь, ярость судьбы смиряешь, зловещее светил течение укрощаешь. Чтут тебя вышние боги, и боги теней подземных поклоняются тебе, ты круг мира вращаешь, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, попираешь Тартар. На зов твой откликаются звезды, ты чередования времен источник, радость небожителей, госпожа стихий. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, всходят посевы, поднимаются всходы. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах блуждающие, змеи, в земле скрывающиеся, чудовища, по волнам плывущие. Но я для воздания похвал тебе — нищ разумом, для жертв благодарственных — беден имуществом, и всей полноты речи не хватает, чтобы выразить чувства, величием твоим во мне рожденные, и тысячи уст не хватило бы, тысячи языков и неустанного красноречия потока неиссякаемого! Что же, постараюсь выполнить то единственное, что доступно человеку благочестивому: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца на веки вечные запечатлею и сберегу».

ВАВИЛОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Вавилонская религия находилась на более высоком уровне развития, чем египетская, которая, по словам одного из величайших египтологов, Масперо, была близка к анимизму и фетишизму африканских племен. И все же шумеры и вавилоняне в сравнении с египтянами имели очень слабое представление о жизни после смерти. Для них нижний мир был средоточием тьмы, где ушедшие, сохраняя сознание, обречены лежать без движения на протяжении веков под строгим присмотром богини, царствовавшей в том мире. Профессор Ростовцев утверждает, что гимны и молитвы, адресованные богам Вавилона и Ассирии, полны неподдельного религиозного чувства и поэтического вдохновения. Вавилоняне в своей эпической по-

эзии старались объяснить великие тайны природы, связанные с жизнью богов и людей.

Их рассказы о борьбе богов против Хаоса и созданных им чудовищ, о приключениях Гильгамеша, о сошествии Иштар в страну мертвых по своей образности сравнимы с их резными изображениями, на которых цари и солдаты, лошади и львы, колесницы и копья переданы с такой художественной выразительностью, что и сегодня выглядят устрашающе.

Чудеса, которые демонстрируют могущественную волю,
Огромная сила и непревзойденное мастерство,
Которые не ищут похвалы,
Слишком слабой, чтобы достичь такой высоты.

Сохранением вавилонских и шумерских мифов мы в значительной степени обязаны ассирийскому царю неовавилонского периода Ашурбанипалу, который правил в Ниневии в 668 году до н. э. Решив собрать в своем дворце библиотеку, царь приступил к систематической работе по сбору литературных произведений. Он послал переписчиков в древние города, центры ученой мысли — Ашур, Вавилон, Кута, Ниппур, Аккад, Эрех и многие другие, чтобы сделать копии с хранившихся там древних трудов, а когда они попадали в Ниневию, делал с них новые копии для дворцовой библиотеки сам либо поручал это своим переписчикам. В любом случае царь сличал тексты лично перед тем, как поместить их в библиотеку. Появление табличек с текстами из его библиотеки предполагает, что он создал мастерскую, где глину очищали, замешивали и формовали из нее однотипные таблички правильной формы. Существовала также промышленная печь, в которой их обжигали после нанесения надписей. Удивительно единообразие таких надписей, а ошибки в них встречаются очень редко. Ашурбанипал интересовался литературой шумеров, народа, населявшего Нижний Вавилон в 3500 году до н. э. и позднее. Он и его переписчики сделали двуязычный список знаков, слов и предметов всех классов и видов — все они воистину бесценны для современных студентов, изучающих шумерский и ассирийский языки.

Греки позаимствовали у вавилонян один миф — о Таммузе — Адонисе. Как утверждает Фрейзер в «Золотой ветви», каждый год Таммуз умирал, покидая веселую и радостную землю и переходя в мрачное подземное царство, и каждый год его божественная супруга отправлялась на поиски его. В середине лета смерть Таммуза оплакивали все мужчины и женщины на земле. История о сошествии в страну мертвых Иштар, возможно, была создана из гимнов, которые пели на траурных церемониях в середине лета. Как и Осирис, Таммуз олицетворял растительность, которая умирает и возрождается снова.

ПЕРСИДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В то время когда ассирийские цари неовавилонской эпохи создавали мифологические циклы, а египетская и греческая мифологии расцвели пышным цветом, оригинальная персидская или иранская мифология приостановилась в своем развитии; в последующее время почти все записи были уничтожены. Это произошло в царствование Дария (VI век до н. э.) из-за подъема маздеистского, или зороастрийского, дуализма — течения, которое, будучи признанным царем и правящими классами, лишило старую мифологию своего первоначального значения и ценности.

Зороастрийский дуализм являлся религией, которая находилась на более высоком уровне развития, чем религии Египта и Вавилона. Профессор Ростовцев утверждает, что, как и иудейские пророки, Зороастр достиг концепции единого духовного бога — Ормузда, или Ахурамазды, в котором воплощены принципы добра, тогда как принципы зла олицетворял Ариман, он же Ангра-Майнью. Эти два принципа находятся в вечном противостоянии в жизни и в природе, и в этой борьбе участвуют люди. Человек ответствен за свои действия, как хорошие, так и плохие; он хозяин своей судьбы, его воля определяет линию поведения. Если он борется против зла, признает Бога и заботится о чисто-

те своего тела и души, тогда по прошествии четырех периодов в мировой истории по три тысячи лет каждый, когда настанет время для окончательной победы добра над злом, Ормузда над Ариманом, — воскрешения мертвых и последнего суда, — ему гарантировано место среди спасенных и праведников.

Персидская религия имела сильное влияние на иудаизм и раннее христианство: царь, который был поборником раннего зороастризма, покончил с вавилонским пленом и дал возможность иудеям воссоздать культ волхвов, которые были персами и зороастрийцами. Эта религия в форме обожествления одной из ангельских сил зороастрийской теологии — Митры — распространилась и на западе в период заката Римской империи и стала могущественным соперником зарождающегося христианства. Культ Митры, которого идентифицировали с солнцем, поощрялся римскими военачальниками. Известно, что даже в Британии был храм, построенный в его честь. Современное христианство, в части, касающейся церемоний и ритуалов, имеет элементы, порожденные прежней близостью к митраизму. Прочитав «Восточную оду» Фрэнсиса Томпсона, мы узнаем кое-что о поклонении Митре. Показательно, что оду открывают метафоры из священного ритуала:

И вот на священном востоке
День, верный жрец,
Величественный во всех одеждах,
Поднимается медленно, поднимается плавно
Из своего восточного шатра.
Там появляется круглый священный символ,
Который дает миру благословение рассветом.

Чувства поклонников Митры проявляются еще сильнее в другом стихе:

Ты есть воплощенный свет,
Чье величие исконно и незыблемо, и после
Смерти и возрождения нашего дня и ночи;
От него твой наместнический жезл
С двойной силой черного и белого.
Дающий любовь, и красоту, и желание,
Страх, и притягательную силу, и чистоту,
Смертоносность и жизненную силу огня!